

Россия и Запад: социокультурные и интеллектуальные истоки либертарного социализма

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00100)

УДК: 321.01

Н.Н. Тинус

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассмотрен культурно-исторический и интеллектуальный контекст, в котором русская анархическая мысль повлияла на западный либертарный социализм. Рассматриваются два крупных направления, которые отражают ключевые сферы внимания либертарных теоретиков, такие как экологический кризис (социальная экология) и режим войны (анархо-пацифизм). На примере этих течений показано, что крупный пласт идей русского классического анархизма был актуализирован в новом социокультурном контексте и стал мощным орудием критики против господствующей сегодня, особенно на Западе, неолиберальной идеологии государственно-корпоративного капитализма. Социальная экология М. Букчина представлена как пример переработки «научного анархизма» П. Кропоткина, а современная анархо-пацифистская мысль эксплицирована как продукт рецепции «непротивленческого анархизма» Л. Толстого.

Ключевые слова: русский анархизм, социальная экология, анархо-пацифизм, Кропоткин, Толстой, либертарный социализм.

Nikita N. Tinus

Belgorod State National Research University, Pobedy St., 85, 308015, Belgorod, Russian Federation

Russia and the West: sociocultural and intellectual origins of libertarian socialism

The article reviews the cultural-historical and intellectual context in which Russian anarchist thought influenced Western libertarian socialism. Two major areas are considered and reflect the key issues of libertarian theory, such as the ecological crisis (social ecology) and the war regime (anarchism and pacifism). With these

examples, it is shown that a lot of ideas of Russian classical anarchism was actualized in a new sociocultural context and became a powerful instrument of criticism of the neoliberal ideology of state-corporate capitalism dominating nowadays, especially in the West. M. Bukchin's social ecology is presented as an example of P. Kropotkin's "scientific anarchism". Modern anarcho-pacifist thought explicated as a product of L. Tolstoy's "non-resisting anarchism" reception.

Keywords: russian anarchism, social ecology, anarcho-pacifism, Kropotkin, Tolstoy, libertarian socialism.

ТИНУС НИКИТА НИКОЛАЕВИЧ – аспирант, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

TINUS NIKITA NIKOLAEVICH – Graduate Student, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University

e-mail: tiinusnn@gmail.com

Введение. Такие мощные фигуры, как М. Бакунин, П. Кропоткин и Л. Толстой, давно занимают почетные места в пантеоне классиков анархизма. Их идеи плотно вплетены в исторический и интеллектуальный контекст эпохи и соседствуют с левым гегельянством, марксизмом и социализмом. Это было время формирования новых классов и смыслов, век революций в Европе на фоне застойного российского самодержавия. Анархизм, как теория и движение, стал ответом на действительность, полную «разъедающих противоречий», бунтом против иерархии, государственной власти, эксплуатации или насилия.

Но развитие этой традиции на русской почве было прервано – после революций 1917 года новая власть, тоталитарный характер которой был поразительно точно предсказан Михаилом Бакуниным, клеймила анархизм как «мелкобуржуазную идеологию» и жестко подавила само движение. Тем не менее, диссеминация идей русских анархистов только усилилась – отчасти в результате эмиграции, отчасти в результате процессов глобального политического и экономического переустройства. С одной стороны, на Востоке/Юге эти идеи стали основой для отрицания «модернизационного пакета» [1], импортируемого западным миром, с другой стороны, концепции Бакунина, Кропоткина и Толстого легли в основание самокритики на самом

Западе/Севере. Принципы, развитые в их работах, имеют большое влияние на ряд современных либертарно-социалистических течений в западной мысли. То же можно сказать и о протестных движениях – сегодня бунтующие французские студенты все еще пишут на стенах Сорбонны «Читайте Бакунина!»

Современный анархизм в США и Европе представлен широким спектром разнородных теорий, охватить которые в кратком очерке не представляется возможным. Потому мы сосредоточимся лишь на двух ключевых направлениях в современной либертарной самокритике Запада, каждое из которых по-своему актуализирует классическое наследие.

Социальная экология. Современные анархисты много говорят об экологии, потому что разрушение природы является одним из наиболее наглядных следствий иерархических и капиталистических отношений, против которых они выступают. Это может показаться неочевидным, но социальная экология, один из двух главных в анархической теории подходов к этому вопросу¹, настаивает на жесткой связи между социальными проблемами и подавлением природы. Американец Мюррей Букчин (1921-2006), изобретатель социальной экологии, пишет: «Представление о том, что человек должен господствовать над природой, проистекает непосредственно из господства человека над человеком» [2]. Опираясь на антропологические данные, Букчин развивает определенную генеалогию господства. В первых человеческих сообществах идеи доминирования, владения, а тем более иерархии отсутствовали². Однако со временем биологические факты превращаются в социальные формы – сначала появляется «геронтократия», а за ней следует патриархальный сдвиг. В результате возрастающей численности общин увеличивается и доля конфликтов, насилия, что приводит к постепенному налаживанию иерархий между общинами, между

¹ Второй подход, т.н. «анархо-примитивизм», ориентирован на деиндустриализацию и, если пользоваться термином Толстого, массовое «опрощение». Критикуется представителями социальной экологии как «анархизм образа жизни», персоналистский и вытесняющий революционную политику.

² В языках многих архаичных племен отсутствуют не только определенные практики господства над людьми, животными или другими объектами, но и слова, их обозначающие.

мужчинами, потом мужчин над женщинами и т.д. Различные системы иерархий наслаиваются одна на другую, формируя сложный комплекс отношений господства и подчинения. Впоследствии эти отношения институализируются и освещаются как единственно возможные и даже заданные природой (одним из таких институтов является государство – профессиональная машина социального насилия).

М. Букчин показывает, как расширяющаяся система социального доминирования двигается к идее господства человека над природой. Реформируется и сам концепт природы, теперь ее трактуют «как антагонистическую обществу реальность (в либеральном инвайронментализме), как мистическую область (в модных эзотерических подходах), как совокупность полезных ресурсов и царство «необходимости» (в марксизме), и, наконец, как пространство для извлечения максимальных прибылей (в логике рынка)» [8]. Социальная экология, в свою очередь, опирается на понятие природы, данное Кропоткиным, и определяет ее как эволюционный процесс, стремящийся к увеличению разнообразия и усложнению своих форм.

Может показаться, что сегодня было бы странно говорить о наследии Петра Кропоткина в контексте вопросов современной социальной философии, а тем более современной экологии. Его научный анархо-коммунизм, вдохновленный Просвещением, достижениями естествознания и позитивизмом, легко упрекнуть в редукционизме и механицизме. Тенденциозность его текстов тоже может ввести в заблуждение, как и сама цель его интеллектуального проекта – «основать синтетическую философию, т.е. философию, которая охватывала бы все явления природы, включая сюда жизнь человеческих обществ и их экономические, политические и нравственные вопросы» [4, с. 41]. Этот подход, на первый взгляд, кажется наивным и неоправданным, но именно стремление создать универсальную теорию позволило Кропоткину органично совместить натурализм и гуманизм

и создать, как пишут сегодня, «новую метафизику природы, которую можно описать как эволюционный холизм» [19, р. 27].

Кропоткин лучше других показал, что эволюционная теория обернулась мощнейшей сменой мировосприятия со времен Ньютона – существуют общие принципы развития живого, и человек включается в эти принципы на тех же основаниях, что и прочие живые существа [7]. Иными словами, если ньютоновская механика пошатнула антропоцентризм, но еще человек оставался, цитируя Спинозу, «государством в государстве», то эволюционная биология XIX столетия окончательно поместила его в ряд остальных живых существ. Нужно при этом подчеркнуть, что, хотя натурализм Кропоткина и возвращает человека в мир природы, он также не отрицает, что культура и человеческое общество сохраняет долю автономии и составляет специфическую сферу бытия. Кропоткин, таким образом, избегает недостатков двух крайних подходов – «идеализма, постулирующего радикальное разделение человечества и природы, или отрицающего реальность внешнего мира (на примере неокантианской философии, герменевтики и постмодернизма) и редукционистской формы материализма (выраженного в частности, генетическим детерминизмом ультра-дарвинистов и социобиологов)» [17, р. 133].

Понимание природы у Кропоткина находится в соответствии с его подходом к общественной жизни, которая, в свою очередь, покоится на тех же принципах организации материи. Любой индивид представляет собой «федерацию» органов, систем, связанных между собой, которые в свою очередь составляют «федерации» клеток и т.д. Любая клетка, следуя Кропоткину, сохраняет свое благо, объединяясь с другими, формируя прочные связи. То же верно и для психологии человека – в этом свете она оказывается множеством стремлений, конфликтующих и противоречивых способностей, не подчиняющихся какому-либо единому центру. Существование различных уровней организации материи, от атомов до человеческих сообществ, требует разной оптики, как пишет британский

нейробиолог Стивен Роуз – «эпистемологического разнообразия, чтобы понять единство нашего мира» [17, р. X].

Анархизм, как политическая теория, получает, таким образом, естественно-научное обоснование в «новой философии» эволюционного холизма. Отрицание централизма и иерархии, федеративная горизонтальная структура регионов и населяющих их сообществ, отстаиваемые многими анархистами, оказываются отражением существующего порядка природы. Нужно заметить, что этот идеал общественного устройства не стремится заранее описать некую предустановленную форму, а только подчеркнуть условия для воспроизводства динамического равновесия, демонстрируемого самой материей в ходе эволюционного процесса. «Гармония в природе является для нас временным равновесием, устанавливающимся между различными силами, – некоторым временным приспособлением, которое может существовать лишь при условии постоянного видоизменения, представляя собою в каждый данный момент равнодействующую всех противоположных сил» [5, с. 235-236] – пишет Кропоткин. Эта динамическая гармония не имеет ничего общего с жесткой рамкой, на которую опирается этатизированная мысль и практика, а заключается «в постоянно изменчивом равновесии между множеством разнообразных сил и влияний, из которых каждое следует своему пути и которые все вместе, именно благодаря этой возможности свободно проявляться и взаимно уравниваться, и служат лучшим залогом прогресса» [Там же, с. 238]. Кропоткин в своих работах неоднократно указывал на важность разнообразия – одного из ключевых критериев устойчивости любых сложных систем в природе.

При этом в учении Кропоткина эволюция не означает последовательного и непрерывного развития от примитивных отсталых форм существования к более сложным и продвинутым. Речь идет, скорее, о творческом процессе, дискретном, сложно сочетающим случайность и необходимость. Любопытным остается тот факт, что описанные аспекты учения Кропоткина, как замечают западные биологи и нейробиологи,

оказались созвучны выводам современной науки, касающихся эволюционной теории, теории хаоса и аутопоэтической природы живой материи [19]. И в то же время многие анархисты, в том числе отечественные, перечитывая Кропоткина, продолжают третировать его за мнимую вульгарность и анахроничность позиции – «гипертрофированный натурализм, философский позитивизм, прогрессистский оптимизм... даже не на уровне начала XX века, а где-то между Гельвецием и Молешоттом» [9, с. 159]. Однако, несмотря на это, в эконоанархизме влияние кропоткинской мысли остается определяющим. Эволюционный холизм, объединяющий человека и природу, социальный анархизм, основанный на принципе динамической гармонии и ценность разнообразия, ложатся в основу социальной экологии и разрабатываются уже в связи с современной проблематикой.

Возвращаясь к социальной экологии, нужно заметить, что ее генетическая связь с учением Кропоткина настолько сильна, что некоторые даже ставят вопрос об оригинальности, определяя социальную экологию как синтез философии П. Кропоткина с идеями Л. Мамфорда и П. Геддеса. М. Букчин открыто подчеркивает эту связь – в «Благодарностях» к своему *opus magnum* «Экология свободы» он отмечает: «Я попытался разрешить эти проблемы [проблемы доминирования и кризисы в образе мышления и науке - Т.Н.], следуя интеллектуальным путям, открытым анархистскими мыслителями прошлого века, особенно естественным и социальным мутуализмом Петра Кропоткина» [14, р. 4]. Целостное понимание, в котором конкуренция и конфликт сосуществуют с повсеместной взаимопомощью и сотрудничеством, позволяет не только критически описать современную реальность корпоративного капитализма, но и наметить пути ее преодоления. Сегодня нормой здравого смысла все еще остается «гладиаторский взгляд» на отношения внутри природы и социума в духе Т. Гоббса или Т. Хаксли, а перспективы солидарности и взаимопомощи остаются туманными. При этом, суть капитализма, главной характеристикой которого является неустанное расширение, это, по словам Букчина, ни что иное, как логика раковых клеток.

Маркс и другие левые теоретики полагались на некие «внутренние ограничения» этой логики, но сегодня ее главные ограничения – внешние, связанные с экологической проблематикой. Очевидная опасность экологической катастрофы порождает множество «зеленых» движений и инициатив, но их усилия сосредоточены на борьбе с последствиями, не затрагивая корень проблемы. В своих многочисленных книгах и эссе Букчин повторяет – любые способы покончить с подавлением природы, оставляя нетронутыми основные институты подавления человека человеком, тщетны: «попытки "озеленить" капитализм, сделать его "экологическим" обречены самой природой этой системы как системы бесконечного роста» [2, с. 65]. Таким образом, выход из экологического кризиса находится не на пути применения отдельных природоохранных мер, будь то сокращение загрязнений или использование возобновляемой энергии, а на пути радикальной и всеохватной реорганизации общественной жизни.

Но что же конкретно предлагает социальная экология в этой связи? Фактически, позитивную программу социальной экологии можно интерпретировать как масштабный проект реконструкции неиерархических децентрализованных структур власти, о котором говорил еще Кропоткин: «Вместо того, чтобы пытаться перестроить общество сверху вниз, от центра к периферии, дай ему свободно развиваться от форм простых к сложным через свободный союз свободных групп. Теперь стесненный, этот ход и является истинным ходом развития общества» [6, с. 28]. Замысел политической организации, который отстаивал Букчин и именовался им самим «коммунализмом» или «либертарным муниципализмом», предполагает освобождение местных муниципалитетов либо коммун, и последующее объединение их в федерации по корпоративному принципу в целях налаживания экономического взаимодействия. Освобождение политики на низовом уровне ведет к укреплению анархистской этики и переосмыслению общественной жизни как таковой в широких слоях населения. В итоге, усиление автономных муниципалитетов и образование соответствующих

федераций приведет к разрушению ненужной системы национальных государств изнутри, фактически, заменит собой централизованную власть. Такая перемена в структурах общества, как полагает Букчин, послужит кардинальной перемене в области отношений человека с природой.

Анархо-пацифизм. Еще одно направление, получившее влияние в либертарной мысли связано с проблематикой насилия. Государство, как заметил Макс Вебер, характеризуется «монополией на насилие», а значит любое размышление о государстве не избегает соответствующих вопросов, и, в частности, вопроса войны как наиболее вопиющей формы насилия. События XX века, ужаснувшие мир, требовали переосмысления культурно-этических основ западной цивилизации и послужили развитию миротворческой теории и практики. Тем не менее, война прогрессирует, она остается главнейшим инструментом политики государств, а сегодняшнее состояние характеризуется как глобальный режим перманентной войны – войны «как устойчивой формы общественных отношений» [13, с. 24]. То же касается и других видов насилия. За долгую историю существования институт государства только совершенствовал свои приемы – именно поэтому сейчас многие рассуждают о таких скрытых формах принуждения, как «структурное» или «символическое» насилие.

В этом свете легко понять, почему анархо-пацифизм, как философия и как этическая программа, сегодня не менее (а возможно даже более) актуален, чем раньше. Надо признать, при этом, что среди анархистов всегда велись дебаты относительно природы насилия, его допустимости и роли в революционных преобразованиях. Однако, кажется, время лихих анархистов-бомбистов осталось позади: «после своего катастрофического прошлого они [анархисты – Т.Н.] осознали глупость попыток достичь мирных целей насильственными средствами. Насилие, несомненно, является методом невежественных и слабых, и чем более просвещенными становятся люди, тем меньше они прибегают к принуждению» [18, р. 638].

Христианский анархизм Толстого является одним из главных интеллектуальных источников анархо-пацифизма. Хотя сам он не считал себя анархистом, его критика государства, права и церкви обычно воспринимается как часть традиции русского классического анархизма. Единственным пунктом несогласия со стороны Толстого являлось революционное насилие. «Анархисты совсем правы, только не в насилии. Удивительное затмение» [10, с. 22] – пишет он в дневнике, в этом же вопросе заключалась суть его заочной переписки с Кропоткиным.

Биографическая и интеллектуальная траектория, которая привела состоятельного графа, знаменитого писателя и героя войны к анархо-пацифизму, довольно известна. Можно лишь упомянуть, что с конца 1870-х глубокий экзистенциальный кризис, постигший Толстого, разрешился путем обращения к христианству, рационально и внеконфессионально переосмысленному. Отрицая мистические аспекты Писания, Толстой интерпретировал Евангелие как этическое учение, следование которому является критерием осмысленной и ответственной жизни. Учение Христа, прямо проповедующего закон любви и отказ от насилия, в ходе истории подвергалось постепенному «обмирщению», искажению, пока не превратилось в свою противоположность: «...церковь в угоду миру перетолковала метафизическое учение Христа так, что из него не вытекало никаких требований для жизни, так что оно не мешало людям жить так, как они жили. Церковь раз уступила миру, а раз уступив миру, она пошла за ним. [...] Мир учреждал свою, во всем противную учению Христа жизнь, а церковь придумывала иносказания, по которым бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живут согласно с ним. И кончилось тем, что мир стал жить жизнью, которая стала хуже языческой жизни, и церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но утверждать, что в этом-то и состоит учение Христа» [11, с. 431].

Нагорная проповедь, следуя Толстому, содержит не только важнейший этический, но и социальный посыл – понятия прямо заповеди служат

искоренению социального зла и продуцирующих его форм общественной организации, таких как государство, право и собственность. После рационального пересмотра христианской религии как этической и социальной программы, писатель посвятил свои труды разъяснению политических последствий этого пересмотра. Анархизм Толстого, таким образом, логически вытекает из учения Христа – существование государства как аппарата насилия вступает в противоречие с законом любви и принципом непротивления злу насилием. «Христианство в его истинном значении разрушает государство. Так оно было понято и с самого начала, за то был и распят Христос...» [12, с. 186] – пишет Толстой. При этом сама форма государства не имеет значения – самая заскорузлая монархия, как и самая прогрессивная демократия требуют взаимного угнетения гражданами самих себя. Черты бесконечного круговорота угнетения, на котором зиждется государство, становятся все более изощренными – институциональный дизайн общества таков, что никто не чувствует персональной ответственности за насилие: «одни потребовали, другие решили, третьи подтвердили, четвертые предложили, пятые доложили, шестые предписали, седьмые исполнили» [Там же, с. 251]. Круг насилия поддерживается в государстве с помощью четырех средств – устрашения, подкупа, гипнотизации (путем соответствующего образования, искусства, установления цензуры) и создания особого класса людей (военных), превращенных в безвольные орудия путем применения к ним усиленной комбинации из первых трех средств. В конечном итоге, Толстой соглашается с другими социалистами, что все эти механизмы служат защите собственности элит. Писатель сравнивает государство с рэкетиром – эта аналогия и сегодня кажется социологически и даже исторически достоверной [20]. Конечно, отрицая государство, Толстой как последовательный мыслитель отрицает вместе с ним саму собственность и право, как институты насилия и господства – «не судите, да не судимы будете» (Мф. 7,1), «не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6,24) следует воспринимать как

прямое осуждение судов и частной собственности. Однако, Толстой, в отличие от революционных социалистов выступает за преобразования через изменения «общественного мнения» и принципиальный отказ от участия в насилии, принятия широкими массами христианского нравственного закона.

Хотя для Запада радикальная критика насилия и связанных с ним общественных институтов не была чем-то новым (можно вспомнить, например, «Катехизис» пастора Э. Баллу или учение квакеров), доступность и убедительность аргументов Толстого сыграла определяющую роль в становлении анархо-пацифистской теории, послужив сближению анархистской и пацифистской перспектив уже в XX веке. Мысль Толстого со всей очевидностью показала, что последовательный анархист должен быть пацифистом, и наоборот, каждый пацифист должен бороться с монопольным аппаратом насилия, которым является государство.

Движение пацифистов в XX веке развивалось очень активно, особенно после Первой мировой войны. Идеи Ганди, которые сформировались во многом под влиянием Толстого, были популяризированы на Западе и получили широкое распространение. Однако, нарастающее внимание к этой проблематике не всегда приводило к пересмотру тех институтов, которые обуславливали насилие. Пацифизм постепенно встраивался в этактистский дискурс, редуцировался к проблематике войны, ограничения её средств, международных договоренностей и иных бюрократических процедур. Голландский анархо-пацифист Барт де Лигт (1883-1938) назвал Лигу наций «ложным Мессией», так как она защищала ценности империализма - истинной первопричины войны. В работе «Победа над насилием: Эссе о войне и революции» [16] он не только защищал «ненасильственное сопротивление» как самый надежный метод борьбы, но и обличал «нелепость буржуазного пацифизма», понимая, что насилие и война являются неотъемлемыми чертами капиталистического устройства. Большая часть усилий де Лигта была направлена на то, чтобы совершить «революцию революции» – с одной стороны, он стремился убедить анархистов в

неэффективности их методов революционного насилия, а с другой – продемонстрировать остальным пацифистам насильственную природу государственной власти. Как утверждает Дж. Вудкок, «Победа над насилием» де Лигта, «широко читаемая в среде британских и американских пацифистов 30-х годов заставила многих из них принять анархистскую точку зрения» [21, p. 438].

Еще одна крупная фигура, влиявшая на пацифистское движение начиная с 1930-х, – американская активистка Дороти Дей (1897-1980), одна из основателей Движения католических рабочих. Вряд ли Дей можно квалифицировать как большого теоретика, но самоотверженная общественная деятельность в полной мере выражает ее приверженность анархо-пацифистской идее. Дей часто подчеркивала влияние на ее мировоззрение русских анархистов: «Кропоткин и Толстой, современные сторонники анархизма, были искренними и миролюбивыми людьми» [15, p. 62]. Устройство Движения католических рабочих фактически основано на принципах коммунитаризма, ненасилия и представляет собой ассоциацию автономных общин, воплощая в своей гуманитарной деятельности и горизонтальной организации идеалы русских мыслителей.

Некоторые западные интеллектуалы XX столетия также продвигали идеи христианского анархо-пацифизма. Так, например, французский ученый Жак Эллюль (1912-1994), известный прежде всего своей критикой «технологического общества», утверждал единство христианской и анархистской социальной программы. В работе «Анархия и христианство», он, фактически, отстаивает тезисы, сходные с пацифизмом Толстого, хотя и без ссылки на последнего.

В целом, можно вспомнить множество крупных мыслителей и активистов анархо-пацифистского толка. Братья Берриган, Пол Гудман, Алекс Комфорт, Жозе Бове – все они осознавали, что борьба за мир невозможна в обществе, где господствует государство, суды и капитал.

Заключение. Радикальная русская мысль XIX-начала XX века все еще формирует контуры анархистской теоретической и практической перспективы. Учения «отцов-основателей» анархической традиции, таким образом, могут быть рассмотрены не только с сугубо исторической точки зрения – как представляющие архивный интерес, но и как ценный интеллектуальный ресурс для осмысления проблем современного мира. С одной стороны, наследие таких фигур, как Кропоткин или Толстой, превращается в мощный аппарат критики при обращении к центральным сюжетам (уничтожение природы и режим войны) обсуждаемого на Западе «глобального кризиса». Программы социальной экологии и анархо-пацифизма направлены на демонстрацию абсурдного характера экапитализма и «буржуазного пацифизма» соответственно. Для зеленого анархизма принципиальным тезисом является единство между миром природы и миром социума.

Обратной стороной социального кризиса, с их точки зрения, является экологический коллапс, связанный с распространением иерархического мышления – главной причины аутоиммунной патологии, ведущей к гибели видов. Преодоление этого кризиса лежит на пути реконструкции общества в соответствии с ценностями разнообразия и свободного равенства, пути к реализации которых были намечены в трудах П. Кропоткина. Другой темой является вопрос насилия, и идейное влияние Толстого здесь сложно переоценить. Опираясь на его концепцию ненасилия, анархо-пацифисты формулируют последовательную политику мира, основанную на радикальном неприятии государственно-капиталистической системы и направленную на ее разрушение. С их точки зрения, если государство – это машина по производству насилия, а война – это вид конкуренции, то «мир», который требуют традиционные западные пацифисты, представляет собой ни что иное, как тщетный поиск перемирия в рамках все того же режима войны.

В целом, русский классический анархизм обладает целым рядом аспектов, привлекательных для западного радикального мыслителя –

коллективизм, устранение противоречия между личным и общественным благом, внимание к уже существующим практикам взаимопомощи, словом, к всему тому, что объединяет людей. Эта традиция проявляет себя как жизнеспособная альтернатива неолиберальной идеологии, с ее раздвоением коллективного/приватного и одиноким эгоистичным индивидом.

Примечания

1. *Адамс Д.* «Не-западный анархизм: переосмысливая глобальный контекст» [Электронный ресурс]: Библиотека Анархизма URL: <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/adams-djejms-ne-zapadnyj-anarhizm-pereosmyslivaya-globalnyj-kontekst.pdf>
2. *Букчин М.* Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему / пер. с англ. Ольги Аксеновой. Нижний Новгород: «Третий Путь», 1996. 190 с.
3. *Букчин М.* Экология и революционное сознание [Электронный ресурс]. URL: <http://tw2000.chat.ru/45-1.htm>
4. *Кропоткин П. А.* Современная наука и анархия. Москва: Голос труда, 1920. 316 с.
5. *Кропоткин П. А.* Анархия, ее философия, ее идеал. Санкт-Петербург: Азбука, 2017. 475 с.
6. *Кропоткин П.А.* Анархия и ее место в социалистической эволюции. М: Моск. федерация анархических групп, 1917. 31 с.
7. *Кропоткин П.А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Редакция журнала «Самообразование», 2007. 235 с.
8. *Рахманинова М.Д.* Социальная экология Мюррея Букчина в контексте современности: основные проблемы и векторы [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/philosophy/logosphere/459417/>
9. *Рябов П.В.* Проблема личности в учении П.А. Кропоткина // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. 1995. Вып. 1: Идеи П.А. Кропоткина в философии. С.156–169.
10. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1952. Т.50. М.: ГИХЛ, 350 с.
11. *Толстой Л.Н.* В чём моя вера? // Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1957. Том. 23. М.: ГИХЛ. С. 304-465.
12. *Толстой Л.Н.* Царство божие внутри вас. 1890-1893 // Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 28. М.: ГИХЛ, 395 с.
13. *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. под ред. Иноземцева В.Л. Москва: Культур. революция, 2006. 508 с.
14. *Bookchin M.* (1982) *Ecology of freedom*. Palo Alto: Cheshire Books. 385 p. (In English)
15. *Day D.* (1996) *The Long Loneliness*. New York: HarperOne. 304 p. (In English)

16. Ligt, Bart de. (1937) *The conquest of violence: an essay on war and revolution*. London: G. Routledge & Sons. 306 p. (In English)
17. Rose, S. (1998) *Lifelines – Biology Beyond Determinism*. NEW YORK: Oxford university press. 335 p. (In English)
18. Marshall P.H. (2010) *Demanding the Impossible. A History of Anarchism*. PM Press. 835 p. (In English)
19. Morris B. (2003) *Kropotkin the politics of community*. Humanity Books. 314 p. (In English)
20. Tilly Ch. (1985). *War Making and State Making as Organized Crime*. In *Bringing the State Back In*, edited by Peter Evans. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 169-87 pp. (In English)
21. Woodcock G. (1962) *Anarchism A history of libertarian ideas and movements*. New York: Meridian book. 504 p. (In English)

References

1. Adams J. *Ne-zapadnyj anarhizm: pereosmyslivaya global'nyj kontekst [Non-Western Anarchism: Rethinking the Global Context]*. Available at: <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/adams-djejms-ne-zapadnyj-anarhizm-pereosmyslivaya-globalnyj-kontekst.pdf> (In Russian)
2. Bookchin M. *Rekonstrukciya obshchestva: na puti k zelenomu budushchemu [Remaking society : pathways to a green future]*. Nizhnij Novgorod, «Tretij Put'», 1996. 190 p. (In Russian)
3. Bookchin M. *Ekologiya i revolyucionnoe soznanie [Ecology and Revolutionary Thought]*. Available at: <http://tw2000.chat.ru/45-1.htm> (In Russian)
4. Kropotkin P.A. *Sovremennaya nauka i anarhiya [Modern science and anarchy]*. Moscow: Golos truda, 1920. 316 p. (In Russian)
5. Kropotkin P. A. *Anarhiya, ee filosofiya, ee ideal [Anarchy, its philosophy, its ideal]*. St. Petersburg, Azbuka, 2017. 475 p. (In Russian)
6. Kropotkin P.A. *Anarhiya i ee mesto v socialisticheskoj evolyucii [Anarchy and its place in socialist evolution]*. Moscow, Moskovskaya federaciya anarhicheskikh grupp, 1917. 31 p. (In Russian)
7. Kropotkin P.A. *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyucii [Mutual assistance as a factor in evolution]*. Moscow: Redakciya zhurnala «Samoobrazovanie», 2007. 235 p. (In Russian)
8. Rahmaninova M.D. *Social'naya ekologiya Myurreya Bukchina v kontekste sovremennosti: osnovnye problemy i vektory [Social ecology of Murray Bookchin in the context of modernity: main problems and vectors]*. Available at: <https://runivers.ru/philosophy/logosphere/459417/> (In Russian)
9. Ryabov P.V. Problema lichnosti v uchenii P.A. Kropotkina [The problem of personality in the teachings of P.A. Kropotkin]. In: *Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 150-letiyu so dnya rozhdeniya P.A. Kropotkina. 1995. Vyp. 1: Idei P.A. Kropotkina v filosofii*. P.156–169. (In Russian)

10. Tolstoj L.N. *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 tomakh, tom 50 [Complete works: in 90 volumes, volume 23]*. Moscow, State publishing house of fiction, 1952. 350 p. (In Russian)
11. Tolstoj L.N. *V chyom moya vera? [what is my faith]*. In: *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 tomakh, tom 23*. Moscow, State publishing house of fiction, 1957. P. 304-465. (In Russian)
12. Tolstoj L.N. *Carstvo bozhie vnutri vas. 1890-1893 [The kingdom of God is within you. 1890-1893]*. In: *Polnoe sobranie sochinenij: v 90 tomakh, tom 28*. Moscow, State publishing house of fiction, 1957. 395 p. (In Russian)
13. Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v epohu imperii [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]*. Moscow, Kul'tur. revolyuciya, 2006. 508 p. (In Russian)
14. Bookchin M. (1982) *Ecology of freedom*. Palo Alto: Cheshire Books. 385 p. (In English)
15. Day D. (1996) *The Long Loneliness*. New York: HarperOne. 304 p. (In English)
16. Ligt Bart de. (1937) *The conquest of violence: an essay on war and revolution*. London: G. Routledge & Sons. 306 p. (In English)
17. Rose, S. (1998) *Lifelines – Biology Beyond Determinism*. NEW YORK: Oxford university press. 335 p. (In English)
18. Marshall P.H. (2010) *Demanding the Impossible. A History of Anarchism*. PM Press. 835 p. (In English)
19. Morris B. (2003) *Kropotkin the politics of community*. Humanity Books. 314 p. (In English)
20. Tilly Ch. (1985) *War Making and State Making as Organized Crime*. In *Bringing the State Back In*, edited by Peter Evans. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 169-87 pp. (In English)
21. Woodcock G. (1962) *Anarchism A history of libertarian ideas and movements*. New York: Meridian book. 504 p. (In English)